

Русский патриот в Варшаве: об одной рукописи Николая Ивановича Павлищева

Larisa Arzhačkova (Лариса Аржаčkова)

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ORCID: 0000-0002-8260-4101

ABSTRACT

Russian patriot in Warsaw: about a manuscript by Nikolai Ivanovich Pavlishchev

The article focuses on the successful Russian official in the Kingdom of Poland, Nikolai Pavlishchev, primarily known as the husband of Olga Sergeevna, Alexander' Pushkin's sister, as well as the manuscript of his monograph on the Warsaw Society of Science Lovers (1800–1832). The manuscript is being introduced into scientific circulation for the first time, so the article contains voluminous fragments of the text of the manuscript, which allows us to get an idea of how Pavlishchev assessed the activities of the Society, how he perceived the Poles and the level of Russian-Polish relations.

KEY WORDS: Nikolai Pavlishchev, Russian patriot, a little-known manuscript, Warsaw Society of Science Lovers, historical memory, Russian-Polish relations, political propaganda

SŁOWA KLUCZOWE: Niłolaj Pawliszczow, patriota rosyjski, mało znany rękopis, Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk, pamięć historyczna, stosunki rosyjsko-polskie, propaganda polityczna

Опыт общежития (пусть поневоле) русского и части польского народов, периодически принимавший форму когда более, когда менее успешного диалога, по сей день не утрачивает своего значения, в том числе, в контексте устойчивых традиций, сложившихся в польской и российской исторической науке за десятилетия изучения истории русско-польских отношений. Актуальность этого исследовательского направления обусловлена также тем, что ряд источников, позволяющих охарактеризовать перипетии взаимных контактов русских и поляков в длинном XIX в., если смотреть шире – ментальный климат поликультурного общества в условиях обитания в одной, Российской империи, еще не введены в научный оборот.

В этом смысле особое внимание привлекает к себе творческое наследие литератора, историка, имперского чиновника в Королевстве Польском Николая Ивановича Павлицева (1802–1879)¹, до сих пор (лишь за редким исключением²) остающееся вне поля зрения историков. Зато о Н.И. Павлицеве – муже Ольги Сергеевны, родной сестры А.С. Пушкина, зачастую, и преимущественно недобро, вспоминают литературоведы, зная, что в своих письмах Пушкину меркантильный Павлицев не раз настойчиво документал поэту своими требованиями уплаты денег³. То он напоминал Пушкину (который, по выражению его

1 Л. Павлицев, *Павлицев Николай Иванович* [в:] *Русский биографический словарь*, Н.П. Собко, Б.Л. Модзалевский (ред.), Москва 1998 (Репринтное воспроизведение СПб 1902), с. 79–81; Ю.Н. Штакельберг, *Павлицев Николай Иванович* [в:] *Русские писатели. 1800–1917*, Т. 4: М–П, Москва 1998, с. 478–479.

2 В.А. Нилова, Ю.И. Штакельберг, *Николай Иванович Павлицев и его «Седмицы польского мятежа»*, «Славянский альманах» 2005, с. 55–86; Л.М. Аржакова, *Н.И. Павлицев – полонист, о котором забыли* [в:] *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики*, Санкт-Петербург 2009, с. 220–235; *idem, Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, Санкт-Петербург 2010, с. 116–122, 220–226; J. Wołczuk, *Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego. 1833–1862*, Wrocław 2005, s. 130–131, 145, 318.

3 Л.Н. Павлицев, *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXI, февраль, с. 317–323.

4 *Idem*, *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXI, январь, с. 34.

5 И.А. Шляпкин, *Из неизданных бумаг Пушкина*, Санкт-Петербург 1903, с. 193–196; Л.А. Черейский, *А.С. Пушкин и его окружение*, Ленинград 1988, с. 318; Т.Ю. Мальцева, *Михайловское в переписке родителей А.С. Пушкина с их дочерью О.С. Павлицевой 1828–1835* [в:] *Пушкинский сборник*, Псков 1968, с. 61.

6 См., например: *Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835*, Санкт-Петербург 1993, с. 8, 13; Л.Н. Павлищев, *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXI, март, с. 549–550.

7 Впрочем, в пользу Н.И. Павлицева надо вспомнить, что он внес, по словам его сына, «драгоценный вклад в “Материалы для биографии своего зятя”, описав его детство со слов сестры поэта» для издания сочинений А.С. Пушкина в 1855 г. П.В. Анненковым – Л. Павлищев, *Павлищев Николай Иванович...*, с. 81.

8 Весь послужной список см.: Л.Н. Павлищев, *Из семейной хроники...*, т. XXXI, февраль, с. 298.

9 Н.И. Павлищев, *Седмицы Польского мятежа 1861–1864*, т. 4, ч. 1; т. 6, ч. 2, Санкт-Петербург 1887.

10 Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика...*, с. 224.

племянника Льва Николаевича Павлищева, принадлежал «не только своим кровным родным, но и всей России»⁴), что по воле его батюшки Сергея Львовича Пушкина поэту надлежало «доставлять ежегодное содержание жене моей», то требовал выплатить «за наследственную часть с Михайловского, якобы полагающуюся его жене»⁵.

Но, в конце концов, дела Павлищева, настроенного по отношению к семье Пушкиных, где его, как известно, не жаловали⁶, исключительно прагматически⁷, это та сторона его жизни, которая свидетельствует о межличностных отношениях либо уровне материального состояния в кругу русской образованной элиты, но не более того.

Вместе с тем, живой интерес, какой проявлял к польской истории этот высокопоставленный русский чиновник (к концу своей карьеры в чине тайного советника), на протяжении сорока лет служивший в Варшаве, где наилучшим образом зарекомендовал себя как на поприще управления, так на ниве просвещения и науки⁸, позволил ему вписать свою страницу в историю российской полонистики XIX столетия. Среди прочего, на счету Н.И. Павлицева гимназическое учебное пособие для юных поляков (изданное, правда, на русском языке) «История Польши. В виде учебника» (1843), а также несколько монографий, посвященных польской истории со времен Ягеллонов до Январского восстания. Наиболее известная из них – монография, составившая три тома из предполагавшихся восьми томов его сочинений: «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину», и двухтомное, в полном объеме увидевшее свет через восемь лет после его кончины, сочинение «Седмицы Польского мятежа. 1861–1864»⁹, представляющее собой хронику бурных событий, о которых Павлищеву было известно по собственным наблюдениям, из официальных актов и со слов очевидцев¹⁰.

Даже оставляя в стороне монографии «Польша до Люблинской унии» и «Последние три Августа в Польше», которые, по сообщению сына автора, были напечатаны «на Высочайше пожалованные ему 12 декабря 1878 г. средства»¹¹, а также другие, принадлежащие перу Павлищева не столь объемные исторические сочинения¹², то и перечисленного достаточно, чтобы включить всё это вместе взятое, так сказать, в польскую коллекцию русских исторических и публицистических сочинений, где по-своему преломлялся польский вопрос¹³. Польская часть творческого наследия Н.И. Павлищева этим, однако, не исчерпывается: в Рукописном отделе Института Русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук в Санкт-Петербурге¹⁴ в составе Архива Павлищевых хранится рукопись монографии «Варшавское общество любителей наук в политическом отношении»¹⁵.

Хотя сброшюрованная рукопись, ранее не привлекавшая внимание исследователей, является не автографом, а результатом труда, судя по почерку, трех переписчиков, основание говорить о том, что рукопись подготовлена зятем С.Л. Пушкина, дает картаотека Рукописного отдела ИРЛИ РАН, указывающая на то, что ее автором являлся Н.И. Павлищев. Подтверждением тому служит и несколько туманное, без какой-либо конкретизации, сообщение Л.Н. Павлищева о неких «многочисленных рукописных трудах»¹⁶ его батюшки. Что касается отсутствия малейших упоминаний об этой монографии в справочно-библиографической литературе, преимущественно черпающей информацию у Л.Н. Павлищева, который ограничился общими словами о «многочисленных рукописных трудах», то подобное умолчание – точнее, незнание – как раз объясняется зависимостью от сообщений Л.Н. Павлищева.

Прежде чем обратиться непосредственно к тексту (на данном этапе – к отдельным его фрагментам),

¹¹ Л. Павлищев. *Павлищев Николай Иванович...*, с. 80.

¹² См., например: «Исторический атлас России» (1845, 1873), исторические статьи, напечатанные в «Холмском календаре» за период 1869–1871 гг.

¹³ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения)*, «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История» 2014, № 3, с. 4–17.

¹⁴ РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлищевых).

¹⁵ *Ibidem*, Ед.хр. 31032.

¹⁶ Л. Павлищев, *Павлищев Николай Иванович...*, с. 81.

¹⁷ А. Краушар, *Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. 1800–1832*, t. 1–4, Kraków–Warszawa 1900–1906.

¹⁸ РО ИРЛИ РАН, Ф. 221, Ед.хр. 31032, Л. 1а.

сразу можно сказать, что эта рукопись меньше всего похожа на более или менее общепринятый образец исторической монографии, с которым ее роднит разве что предложенная автором периодизация деятельности Варшавского общества любителей наук, фактически продиктованная самой логикой развития событий. Кстати, периодизация – это единственное сходство, какое можно найти между сочинением Павлицева и капитальной исторической монографией Александра Краушара¹⁷. Зато сочинение Павлицева способно добавить черты к образу поляков, как их представлял себе русский чиновник, недавно прибывший в Варшаву. Иными словами, из-под пера Павлицева «после предварительного разбора его [Общества] архива в Варшаве, в 1831 году»¹⁸ вышла не столько монография, сколько имагологические зарисовки, создающие у потенциального читателя, помимо прочего, определенный эмоциональный настрой, а также лишний раз провоцирующие размышления о *своих* и *чужих*. Учитывая, что такие понятия, как *чужой* и *другой* отнюдь не тождественны (ведь оценивать *своих* как *других*, но, что важно, не *чужих*, отнюдь не редкость), текст Павлицева требует ответа, как минимум, на два ключевых вопроса. Во-первых, кого представляет автор потенциальному читателю, когда пишет о Варшавском ученом обществе – *других* или *чужих*, если исходить из того, что речь идет об обитателях одной и той же империи? Во-вторых, в чем автор монографии видит свою задачу: в изучении истории Варшавского общества любителей наук либо в разоблачении *других* / *чужих*, составляющих это Общество, коль скоро в самом названии задан ракурс – «в политическом отношении»?

Примечательно, что ответ на последний вопрос подсказывает сам Павлицев, когда на отдельном листе, приложенном к рукописи, отмечает: «Оказалось, что общество, под фирмою наук, занималось тридцать лет политической пропагандой, подготовля

мятежи и заговоры между поляками, с заклятой ненавистью к России», вследствие чего, здесь же выносит он вердикт, «издание этих рукописей в настоящее время было бы преждевременно. Но [...] они неоспоримо важны в историческом отношении, и [...] следовало бы, кажется, хранить их в Императорской Публичной Библиотеке»¹⁹. Излишне говорить, что Павлищев не счел нужным пояснить, в чем выразилась политическая пропаганда, подготовка к мятежу и заговорам. Вместо этого автор сообщает, по-видимому, не замечая, что тем самым противоречит собственному тезису, что, согласно Уставам общества (1802 и 1805 гг.),

намерение, с которым учреждалось Общество, было намерение ученых людей, которые желали только содействовать с их стороны распространению на польском языке познаний в науках, истории и словесности, равно и успехам в знании языков славянского происхождения. Обществом отклонено от себя подозрение в соединении с сею ученой целью каких-либо политических видов.

...из занятий оного решительно исключено все, касающееся веры, правительств и политического состояния края, бывшего тогда под Прусским правлением²⁰.

В таких намерениях Общества – помимо вполне естественного намерения способствовать распространению польских гуманитарных наук, прежде всего, обращает на себя внимание исключение всего, касающегося веры. Если закрыть глаза на то, что первым председателем Общества был епископ Ян Баптист Альбертранди, а его последователем – ксендз Станислав Сташиц, то может возникнуть впечатление, что Общество будто следовало антиклерикализму французских просветителей во главе с Вольтером, либо,

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ *Ibidem*, Л. 406.

21 Об этом подробнее см., например: М.Д. Долбилов, *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010, с. 41–67.

22 А. Kraushar, *Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. 1800–1832*, t. 1, Kraków–Warszawa 1900, s. 5.

23 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлищевых), Ед.хр. 31032, Л. 40б.

выражаясь языком современной науки, стремилось избежать политизации религиозности²¹.

Кроме того, примечательно объявляемое лидерами Общества намерение способствовать знанию языков славянского происхождения. Однако, что удивительно, в намерении споспешествовать знанию «языков славянского происхождения» бдительный Павлищев не усмотрел ни возможного политического подтекста, ни таковых же последствий, хотя широкое познание славянских языков в разных славянских землях вполне могло быть использовано в политических целях. А. Краушар, кстати, тоже счел нужным подчеркнуть, что принципиальным условием создания Общества было «держаться в стороне от политики и религиозных вопросов»²², и никоим образом не прокомментировал эту констатацию.

Уже сам факт того, что «в Уставе общества 1805 года не объявлено, что преимущественными [подчеркнуто в оригинале] занятиями его будут История Польши, Польская словесность и язык Польский»²³, вызывало опасение русского автора, с нескрываемой тревогой воспринимавшего все, что могло способствовать утверждению польской национальности. Заметим, что все эти чувства – тревогу, настороженность, опасения, Павлищев переживал постфактум: Ноябрьское восстание потерпело поражение, Варшавское ученое общество было закрыто. Однако даже постфактум, отдавая себе в этом отчет или нет, Павлищев спешит поделиться с русскими читателями своими чувствами и предостеречь их. Опасения, судя по всему, были столь велики, что сумели перевесить реальную готовность предупредить о ней соотечественников: в итоге монография, автор которой предпочел остаться анонимом, надолго затерялась среди прочих его «многочисленных рукописей». Так или иначе, Павлищев утверждал:

По начальному внутреннему образованию, какое дало себе Варшавское Общество и по первым действиям главных членов его с 1800 по 1806 год, можно было догадываться, что если не целое сословие, то по крайней мере значительнейшие члены онога простирали свои предприятия далее цели, определенной в уставе общества 1805 года²⁴.

24 *Ibidem*.

25 *Ibidem*, Л. 5.

26 *Ibidem*.

«Можно было догадываться»... Не ограничиваясь сколь красноречивой, столь и малосодержательной констатацией того, члены Общества якобы простирали свои предприятия «далее цели, определенной в уставе», Павлищев стремится пояснить, на чем основаны его догадки, а потому уточняет: «В число пяти предметов занятий Варшавского Общества включено им правоведение, к которому, как известно, принадлежит и политика»²⁵. Не приходится удивляться, что русский чиновник негативно оценивает объявленные лидерами Варшавского ученого общества планы «распространить просвещение между простолюдинами», ради чего Общество «назначило сочинить учебные книги, в числе которых особенную о правах». Но еще больше русского патриота настораживало то обстоятельство, что Варшавское общество любителей наук «обращало свое внимание на просвещение не только тех поляков, кои были Прусскими подданными, но и жителей российско-польских губерний»²⁶.

Павлищев не заметил, что использованное им определение губерний как «российско-польские» способно было натолкнуть внимательного, но не слишком сведущего читателя, на сомнения по части правомерности принадлежности губерний к империи. Впрочем, меньше всего автор, по-видимому, был готов пускаться в рассуждения по поводу исторических оснований принадлежности этих земель

27 Л. Февр, *Чувствительность и история. Как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого* [в:] *idet, Бои за историю*, Москва 1991, с. 111.

28 Я. Плампер, *История эмоций*, Москва 2018, с. 18.

29 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлищевых), Ед.хр. 31032, Л. 1а.

с опорой на этнический состав жителей, их конфессиональные предпочтения или устоявшиеся традиции. После выхода в свет «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина и ряда его публицистических сочинений, достаточно было того, чтобы каждый пишущий вслед за официальным историографом всего лишь воспроизводил предложенную им концепцию (весьма долговечную, как покажет время), осмысляющую польское прошлое и настоящее с позиций русской государственной школы.

Даже по отдельным выдержкам видно, в какой степени текст был насыщен эмоциями, эмоционально заряжен. Пожалуй, как раз эмоции, а не только ограниченность знания и давление власти, лежат в основе стереотипов, отступление от которых либо их пересмотр требуют решительности и самостоятельности мысли. В этом плане достаточно сложно оспорить суждение Томаса Гоббса, на которого справедливо ссылается Ян Плампер (в свою очередь, опиравшийся на Люсьена Февра, полагавшего, что «эмоции составляют часть взаимосвязей между людьми, часть общественных взаимоотношений»²⁷), что именно «страсти являются основным источником действий, служа естественной причиной как войны, так и мира»²⁸. Что касается монографии Павлищева, то без большого преувеличения можно сказать, что накалу (то сдержанных, то прорывающихся) эмоций его текста, пожалуй, вполне отвечала атмосфера, в какой проходила работа с архивом Варшавского общества любителей наук. Ведь эта работа, когда составлялись «Выписки», помещенные в 1-й книгу Рукописи», и тогда же был «написан одним из соучастников в этой работе “Исторический взгляд”, составляющий 2-ю книгу Рукописи»²⁹, шла сразу, как выразился Павлищев, «по усмирении польского мятежа».

Вообще, надо признать, что Павлищев был вполне, так сказать, подготовлен к такой архивной работе

в Варшаве. Известно, что в бытность свою в Петербурге сотрудником Коллегии иностранных дел, летом 1828 г. он «был послан в Сенат для перевода с польского языка разных бумаг в следственной комиссии над польскими мятежниками»³⁰.

Это, конечно, тоже был опыт (и тоже отчасти замешанный на эмоциях), но опыт скорее подозрений и недоверия, чем поиска путей и способов примирения, отсюда и тот подход, какой Павлищев использовал при разборе протоколов заседаний бывшего Варшавского ученого общества, отсюда и его тон, избранный при написании своей «исторической монографии». В то же время, нельзя не заметить, что Павлищев как «один из сотрудников», через руки которого прошли все материалы Варшавского общества любителей наук, иначе – ВОЛН (эта аббревиатура применяется в ссылках), на свой лад стремится следовать за источником. При том опыте литературного труда, каким наш старательный чиновник уже обладал, манера следовать за источником (порой воспроизводить его без попыток всесторонней критики и детального анализа) обнаруживает скорее дилетантизм Павлищева в сфере исторических изысканий, чем устойчивые навыки работы с источниками.

Об этом свидетельствует не только его монография 1832 г., но и позднейшие его исторические сочинения³¹. Вместе с тем, по тексту видно, что постепенно Павлищев словно проникается спецификой оказавшегося в его руках материала, стараясь обращаться с ним более искусно. К слову сказать, дата написания монографии, посвященной истории Варшавского общества, вызывает обоснованные сомнения: в монографии находим сообщение, что «в Париже в 1832 г. напечатано против России, Австрии и Пруссии сочинение Мальчевского»³². Сложно представить (хотя абсолютно исключать тоже нельзя), что год окончания работы над монографией и время описываемых событий, полностью бы совпадали.

30 Л. Павлищев, *Павлищев Николай Иванович...*, с. 79.

31 Поэтому любопытно, что в статье, посвященной Н.И. Павлищеву, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сначала сообщает: «Павлищев, Николай Иванович, историк», и лишь затем пишет о его успешной карьере, озаглавленной чином тайного советника. – Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XXII: *Оуэн – Патент о поединках*, Санкт-Петербург 1897, с. 560.

32 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлищевых), Ед.хр. 31032, Л. 60б.

33 *Ibidem*, Л. 50б.

34 *Ibidem*, Л. 6.

Так или иначе, передавая слова Тадеуша Чацкого, объявившего, что «после упадка Польши необходимость сохранения польского языка и познаний предков провозглашена была первоначально Варшавским обществом любителей наук»³³, автор отнюдь не спешит сопроводить их своим комментарием. Такая неровная, несколько хаотичная манера изложения, когда – в одних случаях, автор априори обвиняет поляков в политической пропаганде и заговоре, а когда – напротив, оставляет читателю самостоятельно строить предположения на основе сообщенных автором сведений, выдает неискренность автора в делах, коими ему пришлось заниматься. Зато Павлицев, по его выражению, не оставляет без замечания,

что член Варшавского общества Римско-католический епископ Коссаковский в заседании 14 ноября 1802 года объявил обществу, что славное Литовское училище (Виленский университет) не перестает распространять просвещение по уставам и учебным книгам, изданным бывшею во время Польского правления Комиссиею народного просвещения Эдукационной комиссией, занимавшейся воспитанием польского юношества³⁴.

Подчеркнутое внимание Варшавского общества к распространению народного просвещения в полной мере отвечало польской национальной идее, ориентированной на сохранение внутреннего единства разделенного польского народа, чему немало могло бы способствовать просвещение, опиравшееся на традиции, заложенные в Речи Посполитой, в том числе, на последнем этапе ее независимого существования. Как прокомментировал Павлицев стремление Варшавского общества охватить просвещением все земли бывлой Речи Посполитой и ради этого

развивать интенсивные связи, в частности, с Виленским университетом? Кроме того, задаваясь вопросом, в какой мере Павлицев в своей деятельности руководствовался предписаниями свыше, а в какой проявлял инициативу, находим один из вариантов ответа на вопрос.

Так, в одном из примечаний со ссылкой на выписки из дел Варшавского общества, автор подчеркивает, что по этим выпискам не видно, чтобы Общество производило «таковые сношения с дозволения правительства Российского и Прусского»³⁵, тем самым демонстрируя сугубо проправительственную позицию (причем, особо подчеркнем, вне зависимости от того, о каком правительстве идет речь). Но мало этого, автор пишет, что Варшавское общество не только:

с 1802 года начало и потом продолжало сношения с Виленским университетом; оно получало от него разные сведения и донесения, равным образом желало открыть сношения и с Харьковским университетом, избрав в свои члены попечителя Харьковского учебного округа сенатора Северина Потоцкого, к которому председатель Альбертранди писал 26 апреля 1803, «что Варшавское общество любителей наук гордится тем, что Потоцкий назначен начальником Харьковского учебного округа и что под его управлением состоят обширные области, ознаменованные некогда польским оружием [подчеркнуто в оригинале] и славившиеся в истории рода человеческого»³⁶.

Не исключено, что Павлицев решил не вдаваться в детали того, к чему могли привести интенсивные контакты Варшавского общества любителей наук с Виленским и Харьковским университетами,

³⁵ *Ibidem*.

³⁶ *Ibidem*, Л. 50б.

поскольку получил более весомый повод для беспокойства. Как свидетельствовали материалы Варшавского общества любителей наук, его деятельные члены собирались развивать контакты «с чужими краями, в которых образ правления был республиканский». Причем, контакты «с чужими краями» были в основном персонифицированы. По этому поводу Павлицев сообщает:

В 1803 же году Варшавское общество распространило связи свои и с чужими краями посредством данных Немцевичу и Мальчевскому поручению при отправлении первого в Америку, а второго в Париж.

Из письменного поручения Немцевичу 12 июля 1803 года видно: 1) что Варшавское общество, сверх учености, обязывалось сохранять и распространять права и памятники славы польского народа [подчеркнуто в оригинале], и 2) что оно желало избрать в свои члены бывшего Председателя Североамериканских соединенных областей Джефферсона и еще каких-либо двух ученых американцев³⁷.

Однако оставив в стороне тему обширных контактов Варшавского общества любителей наук, Павлицев, опираясь на выписки из протоколов Общества, спешит привести выдержки из речи первого председателя Общества, епископа Яна Баптиста Альбертранди, произнесенной 16 октября 1803 г. Почему?

Похоже, тезис, сформулированный в речи Альбертранди, который, «убеждая своих сочленов к усердному продолжению трудов», одновременно, как подчеркнуто Павлицевым, «возбуждал в них и сетование о прошедшем, и пламенное желание будущего, чтобы слава, приобретенная учеными трудами предков не была погребена в одной могиле

с политическим существованием Польши [подчеркнуто в оригинале]»³⁸, решительно не давал покоя нашему автору. Русский патриот в Варшаве, будучи исправным проводником имперской политики, а нередко сам выступая инициатором весьма жестких мер³⁹, даже на заре своей чиновничьей карьеры в польской столице не мог одобрить, казалось бы, естественного для любого патриота (все равно – поляка или русского) намерения: «оживить в умах соотечественников ученую славу их предков»⁴⁰.

Так, даже в похвальном слове Николаю Копернику (Общество охотно прибегало к этому жанру торжественного красноречия), произнесенном профессором (и будущим ректором) Виленского университета Яном Снядецким, Павлицева насторожили «политические воспоминания о славных эпохах польской истории в правление Казимира Великого и Сигизмунда I». Павлицеву будто претило, что Снядецкий, напомнив соотечественникам о «примерах гражданских добродетелей и геройского мужества их предков»⁴¹,

хвалил последний период политического существования Польши, приписав ему начало укорененной в сердцах поляков любви к наукам и словесности, а сей любви, обратившейся в страсть, рождение самого Варшавского общества любителей наук. Желая, наконец, утешить своих единоплеменников в потере политического бытия Польши, обратил к ним и к себе свое слово так: жертвы, обреченные искупать собою погрешности и заблуждения наших отцов [подчеркнуто в оригинале], будем искать утешения в мирных, но более достойных человека занятиях, в созерцании истины и природы [подчеркнуто в оригинале], в удовольствиях и наслаждениях ума⁴².

38 *Ibidem*.

39 Л.Н. Павлицев, *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXIII, август, с. 256–257.

40 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлицевых), Ед.хр. 31032, Л. 60б.

41 *Ibidem*, Л. 60б–7.

42 *Ibidem*, Л. 7.

43 А.Н. Пыпин, *Польский вопрос в русской литературе*, «Вестник Европы» 1880, кн. 2, с. 707–708.

44 *Idem*, *Панславизм в прошлом и настоящем*, Москва 2002 (Репринтное воспроизведение издания 1913 г.), с. 39.

В связи с последовательным стремлением Варшавского общества любителей наук радесть о сохранении исторической памяти поляков, небезынтересно отметить, каким образом, ближе к концу XIX ст., реагировал на выступления русских литераторов-полонофобов Александр Николаевич Пыпин. В своей статье «Польский вопрос в русской литературе» (1880) он, в частности, писал: «Поляк виноват тем, что не может забыть своего прошлого, – но это та самая черта, которую у самих себя мы сочли бы высокой национальной добродетелью»⁴³. Что же касается его мнения о русско-польских взаимоотношениях в целом, мнения, расходившегося, прямо скажем, с мнением большинства, либерально настроенному Пыпину довелось его высказать двумя годами ранее.

Тогда, в 1878 г., в своей монографии «Панславизм в прошлом и настоящем», он четко заявил: «Древняя историческая антипатия Польши и Руси в течение средних веков их истории возрастала больше и больше: первая никак не хотела признать притязаний Москвы на “Литву” и южную Русь, которые, конечно, не принадлежали Москве, но которые тянуло к ней по единству народности и религии; средневековая Польша стояла выше Москвы по своей образованности, и с пренебрежением смотрела на ее дикость и невежество»⁴⁴.

Иного мнения, представление о котором в полной мере способен передать приводимый ниже фрагмент, придерживался Павлищев:

В таковых, принятых членами Варшавского общества любителей наук правилах, обновлять чаще приятнейшие для поляков черты их отечественной истории, нетрудно было усматривать последствия сих начал. С живым представлением о славе предков во времена независимости Польши,

естественно объединялись болезненные воспоминания побежденных потомков об утраченной ими политической самобытности, этими воспоминаниями все легче было раздражить народную кичливость, произвести легкомысленные мечты о восстановлении отечества силою польского патриотизма. Зная свойства народа и действующий над ним дух времени, Варшавское ученое общество могло владычествовать словом и пером в Царстве мнений своих соотечественников: господствующие мнения управляют людьми, иногда и целыми гражданскими обществами.

Таким образом, внимательные наблюдатели первых трудов сего общества подозревали в его явной ученой цели какую-то особенную цель польских патриотов, которыми при их бессилии восстановить политическое бытие отечества, приписывалось намерение сохранить и обеспечить некоторое существование Польши под благовидным предлогом наук⁴⁵.

Всецело погрузившись в дела Варшавского общества любителей наук, Павлицев на свой лад проникался идеями, с которыми выступало Общество, но, разумеется, меняя подкладку этих идей с польской на русскую. Можно предположить, что во многом под воздействием того значения, какое члены Общества придавали распространению знания польской истории в польском обществе, Павлицев спустя несколько лет после выступил с собственной инициативой. Осенью 1839 г. он отправил министру народного просвещения графу С.С. Уварову письмо, в котором обосновал необходимость объявить конкурс написание предназначавшегося для введения в гимназиях Королевства Польского учебника истории Польши (непрерменно на русском языке)⁴⁶. Конкурс

45 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлицевых), Ед.хр. 31032, Л. 7.

46 *Ibidem*, Ед.хр. 31172, Л. 206.

47 Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос...*, с. 118–119.

48 РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлицевых), Ед.хр. 31032, Л. 60б.

49 *Ibidem*, Л. 8.

был объявлен и победителем в нем вышел Павлицев, заодно удостоенный за учебник премии министра народного просвещения⁴⁷.

Нельзя наверняка утверждать, но допустить вполне можно, что идею создания «Исторического атласа России» (1845) Павлицев также воспринял от Варшавского общества любителей наук, которое в свое время вознамерилось составить Географическо-исторический словарь «всех [подчеркнуто в оригинале] польских городов и селений, с присокуплением сведений о достопримечательных событиях и описания жизни некоторых прославившихся поляков»⁴⁸.

Между тем, Павлицев, чем дальше, тем больше убеждался в том, что «действия членов Варшавского общества любителей наук более утверждали первоначальную [его] догадку об особенной патриотической цели сего сословия»⁴⁹. В пользу такой догадки, с точки зрения Павлицева, было предложение, изложенное Сташицем в апреле 1806 года, когда, заявив о необходимости «сочинения разных, по его мнению, необходимых для поляков книг», ксендз, читаем в исторической монографии,

между прочим, убеждал своих сочленов заняться:

«1) составлением полного собрания отечественной истории, которая по упадке Польши должна быть написана не по примеру Польской истории [Теодора] Ваги, а с отличным искусством и петельным красноречием, чтобы чтение оной могло восхищать польских юношей и заблаговременно делать в уме и чувствах их глубокое впечатление, чтобы каждый, читая воспоминание о делах своих предков, приобретал к ним и самому себе уважение, и чтобы чувствовал честь называть себя поляком.

2) сочинением общенародной книжки из стихотворных описаний славнейших гражданских и воинских подвигов поляков, равно и особенных добродетелей их, как в общественной, так и в домашней жизни, выбранных из всей польской истории»⁵⁰.

⁵⁰ *Ibidem*, Л. 80б.

⁵¹ *Ibidem*, Л. 9.

Однажды ступив на стезю то ли обличения, то ли разоблачения, Павлицев с нее больше не сходил. Так, он приводит «еще один случай, доказывающий, что Варшавское ученое общество, вопреки открытой Прусскому правительству цели своего существования, занималось политикою». Об этом случае он счел нужным сказать специально (лишний раз выказав себя верным сторонником интересов власти – любой):

В одном собрании сего общества в августе 1805 года Сташиц читал свое рассуждение о политическом равновесии, показав важность прежней Польши для сохранения политического равновесия в Европе. Сочинитель изложил об сем предмете мысли, которые хотя благоприятствовали, по-видимому, вместе Польше и России, но были явно противны Прусскому правительству, несмотря на то, что тогда Сташиц и его слушатели почитались подданными Его Величества Прусского короля⁵¹.

Собственно, на этом завершается первый период деятельности Варшавского общества любителей наук в изложении Н.И. Павлицева. Занимает он шесть лет (1800–1806) и, соответственно, двенадцать листов монографии по нумерации оригинала (из 89 листов авторского текста, не считая Таблицы [90–113 об], названной Павлицевым «Азбучный список членов бывшего Варшавского общества любителей наук всех четырех разрядов, а именно: действительных членов;

членов приобщников; почетных членов и корреспондентов как живых, так и умерших с самого учреждения одного общества в 1800 году по 1833 с показанием некоторых других званий или мест службы их»), по библиотечной нумерации первый период занимает девять листов. Второй период оказался более продолжительным (1806–1815), и в тексте ему отведено больше места.

Итак, 1806 г. знаменовал собой рубеж в истории Общества. Когда, пишет Павлицев, «Пруссия испытала неблагоприятный для нее жребий войны с Наполеоном, Варшавское общество любителей наук отложилось от подданства Его Величеству Прусскому королю», поспешив составить просьбу «о принятии общества под покровительство счастливого завоевателя, которого оно наименовало великим [подчеркнуто в оригинале]». На данном этапе активистам общества удалось найти оптимальный, по их мнению, вариант бытия, поскольку: «Политический переворот показал самое свободное и сильное стремление общества к таким ученым трудам, которые, питая в полях народный дух и чувства, могли тогда служить политическим видам Наполеона и польских патриотов»⁵². Что касается Павлицева, то он устранился от каких-либо оценок по поводу столь быстрой смены покровительства, какую продемонстрировало Общество. При этом создается впечатление, что с этих пор Общество начинает действовать более энергично. Во всяком случае, Павлицев сообщает, что:

В начале 1807 года общество разделило между восемью другими членами труды сочинения новейшей [подчеркнуто в оригинале] Польской истории, определив изложить в оной: а) восстановление и упадок Конституции 3 мая 1791 года, в) восстание Польши под начальством Костюшки до совершенного оной разделения, с) историю польских легионов,

вслед за оною труды Варшавского общества любителей наук и другие народные события до той, по выражениям общества, счастливой [подчеркнуто в оригинале] эпохи, когда Наполеон великий [подчеркнуто в оригинале] пригласил к себе Выбицкого и генерала Домбровского и вступил с войском в пределы Польши, наконец, d) новейшие события в Польше⁵³.

53 *Ibidem*, Л. 11.

54 *Ibidem*, Л. 110б.

55 *Ibidem*, Л. 12.

Скрупулезно составляя свой отчет о работе (разве не отчет представляет собой монография?), Павлицев, надо думать, не без удовлетворения, находит подтверждение тому, что члены Общества видели «в Польской истории сильнейшую пружину польского патриотизма». Общество стремилось, насколько мог уловить смысл происходящего автор, в кратчайшие сроки дать «представление соотечественникам революционного периода их истории, которое могло скорее и сильнее подействовать на расположение умов к новым политическим переворотам»⁵⁴. Пожалуй, именно такое понимание ситуации выработал Павлицев после ознакомления с напечатанным в 1809 г. планом истории польского народа,

в котором изъяснено: «что Варшавское общество любителей наук имеет целью собирать и сохранять все касающиеся до отечества поляков и в особенности те предметы, кои могут послужить к оживлению, сохранению и распространению между соотчичами любви к отечеству, не может смотреть равнодушно на недостаток сильнейшей к тому пружины, [подчеркнуто в оригинале] полного и достаточного собрания народной истории»⁵⁵.

Итак, составив определенное представление о содержании исторической монографии Павлицева, судьба

которой была предreshена едва ли не приговором: «Издание [...] в настоящее время было бы преждевременно», получаем возможность дать ответы на вопросы, поставленные в начальной части статьи.

Не приходится сомневаться, что в лице членов Варшавского общества любителей наук Павлицев выставляет на суд потенциальных читателей старательно реконструированную им посредством использования материалов Варшавского ученого общества деятельность *других*, а во многих отношениях – и *чужих*. Казалось бы, коль скоро работа с архивом Общества происходила после Ноябрьского восстания, то Павлицеву надлежало бы хоть время от времени вспоминать, что речь идет о подданных (пусть – *других* подданных) Государя Императора. Но ни одной оговорки такого рода в его монографии не найти. Наблюдения над текстом убеждают, что повествование о Варшавском ученом обществе стараниями Павлицева трансформируется в историю если не разоблачения, то обличения идей и деятельности Общества. Павлицев всего лишь встраивает известный ему образ поляков в новые обстоятельства места. Его действия по-своему логичны, ведь он видит перед собой *других*, или даже *чужих*, а с них и спрос иной. При всей своей эмоциональности и прямоте, автор не ощущает внутреннего – а, значит, касающегося любого обывателя империи Романовых – противоречия в том, что ему «открылось» в деятельности Общества. Не следовало ли Н.И. Павлицеву прислушаться к словам своей супруги Ольги Сергеевны, которая «вражду национальную считала непонятной мелочью», будучи убеждена, что «русский, поляк, китаец, англичанин, эфиоп да немец – все одинаково рождаются, очень много страдают, очень мало радуются, и, наконец, возвращаются к общему Небесному Отцу»⁵⁶?

Справедливости ради надо сказать, что с течением времени Павлицев все-таки корректировал

свое отношение к полякам как *другим*. Сорок лет службы в Варшаве сделали свое дело, последовательный русский патриот, кажется, изъял поляков из категории *чужих*: во всяком случае, он уже был готов к использованию в прессе – почти на равных – русского и польского языка.

Впрочем, все эти дела будущего увели нас далеко в сторону от первого опыта Павлищева на ниве польской истории, когда он писал о Варшавском обществе любителей наук, вообще о поляках, не подозревая, что одновременно написал свой собственный портрет. Разве не бесспорно утверждение, что, «говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем»⁵⁷?

57 М.В. Лескинен, «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем», https://istorex.ru/New_page_119?fbclid=IwAR2-ZLAQtL4zfvd7pXolr4deof9BzoW5ob [последнее посещение: 9.05.2021].

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук в Санкт-Петербурге (РО ИРЛИ РАН)
- РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлицевых), Ед.хр. 31032, Л. 1а, 40б, 5–50б, 6–60б, 7, 8–80б, 9–90б, 11–110б, 12.
- РО ИРЛИ РАН, Ф. 221 (Архив Павлицевых), Ед.хр. 31172, Л. 20б.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржакова Л.М., *Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения)*, «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История» 2014, № 3, с. 4–17.
- Аржакова Л.М., Н.И. Павлицев – полонист, о котором забыли [в:] *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики*, Санкт-Петербург 2009, с. 220–235.
- Аржакова Л.М., *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, Санкт-Петербург 2010.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., *Энциклопедический словарь*, т. XXII: *Оуэн – Патент о поединках*, Санкт-Петербург 1897.
- Долбилов М.Д., *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010.
- Лескинен М.В., «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нем», https://istorex.ru/New_page_119?fbclid=IwAR2-ZLAQtL4zfvdpXoIr4deof9BzoW5ob [последнее посещение: 9.05.2021].
- Мальцева Т.Ю., *Михайловское в переписке родителей А.С. Пушкина с их дочерью О.С. Павлицевой 1828–1835* [в:] *Пушкинский сборник*, Псков 1968, с. 56–68.
- Нилова В.А., Штакельберг Ю.И., *Николай Иванович Павлицев и его «Седмицы польского мятежа»*, «Славянский альманах» 2005, с. 55–86.
- Павлицев Л., *Павлицев Николай Иванович* [в:] *Русский биографический словарь*, Н.П. Собко, Б.Л. Модзалевский (ред.), Москва 1998 (Репринтное воспроизведение СПб 1902), с. 79–81.
- Павлицев Л.Н., *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXI, январь– март.
- Павлицев Л.Н., *Из семейной хроники*, «Исторический вестник» 1888, т. XXXIII, август.

- Павлищев Н.И., *Седмицы Польского мятежа 1861–1864*, т. 4, ч. 1; т. 6, ч. 2, Санкт-Петербург 1887.
- Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828–1835*, Санкт-Петербург 1993.
- Плампер Я., *История эмоций*, Москва 2018.
- Пыпин А.Н., *Панславизм в прошлом и настоящем*, Москва 2002 (Репринтное воспроизведение издания 1913 г.).
- Пыпин А.Н., *Польский вопрос в русской литературе*, «Вестник Европы» 1880, кн. 2, с. 707–708.
- Февр Л., *Чувствительность и история. Как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого* [в:] *idet*, *Бои за историю*, Москва 1991, с. 97–135.
- Черейский Л.А., А.С. *Пушкин и его окружение*, Ленинград 1988.
- Шляпкин И.А., *Из неизданных бумаг Пушкина*, Санкт-Петербург 1903.
- Штакельберг Ю.Н., *Павлищев Николай Иванович* [в:] *Русские писатели. 1800–1917*, Т. 4: М–П, Москва 1998, с. 478–479.
- Kraushar A., *Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. 1800–1832*, t. 1–4, Kraków–Warszawa 1900–1906.
- Wolczuk J., *Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego. 1833–1862*, Wrocław 2005.
-